

Аксель Панцер

Двенадцать месяцев

Аксель Панцер

**Двенадцать месяцев.
Три огонька декабря.**

«Автор»

2026

Панцер А.

Двенадцать месяцев. Три огонька декабря. / А. Панцер —
«Автор», 2026

В декабре земля снегом закрывается не потому, что ей нечего показать.
Наоборот. Сокровища она прячет поглубже. Чтобы до весны отличить тех,
кому нужен только блеск, от тех, кто умеет увидеть красоту.

Аксель Панцер

Двенадцать месяцев. Три огонька декабря.

Глава 1

Три огонька декабря

Говорили старики, что в самый тихий декабрьский вечер, когда снег идёт без ветра и лес будто весь слушает, можно увидеть сразу три огонька. Первый — золотой. Второй — серебряный. А третий — зелёный, как малахит. Только показываются они не всякому.

Жил тогда при заводе мальчишка Егорка. Отец его в руднике работал, мать дома хозяйничала, а сам Егорка всё норовил к старому мастеру Прохорычу забежать.

Прохорыч по камню был мастер знаменитый. Возьмёт невзрачную глыбку, повернёт к свету и скажет:

— Тут цветок спрятан.

Егорка смеялся:

— Какой цветок? Камень ведь.

— Камень, — отвечал старик. — А ты сперва научись смотреть.

Пришёл декабрь. Снегу навалило столько, что заборы почти скрылись. Лес за заводом потемнел, ели согнулись под снегом. Днём солнышко едва покажется — и опять сумерки.

Однажды вечером Егорка у Прохорыча засиделся. Старик огонь в печке поправил и говорит:

— Домой тебе пора. Ночь нынче непростая.

— А какая?

— Сам увидишь, коли лес позволит.

Вышел Егорка. Мороз крепкий, а тихо. Снег под ногами поскрипывает. Тут впереди возле старой сосны вспыхнул маленький огонёк. Не красный, не жёлтый — будто золотой уголёк по снегу прыгает. Прыгнул раз. Другой. Третий. А потом из огонька девчонка показалась — маленькая, в красном сарафанчике. Стоит на снегу босая, а снег под ногами не тает. Егорка сразу догадался:

— Огневушка-Поскакушка!

Она засмеялась:

— Догадливый.

И вокруг пня кружок выплясывать стала. Где ножкой топнет — там золотая искорка останется. Егорка хотел ближе подойти, а Огневушка пальцем пригрозила:

— За золотом не торопись. Сегодня другое увидишь. И исчезла. Только золотая искра между снегом ещё немного светилась.

Пошёл Егорка дальше. Вдруг слышит: цок! Потом ещё: цок! На большой снежной поляне козлик стоит. Невысокий, лёгкий, рожки тонкие. Одна ножка поднята. Ударил копытцем — и на снег посыпались камешки. Красный. Голубой. Зелёный. Словно звёзды с неба упали.

— Серебряное копытце! — прошептал Егорка.

Козлик голову повернул, посмотрел на него и ещё раз копытцем ударил. Цок! На этот раз из-под снега выскочил маленький зелёный камешек. Егорка нагнулся, хотел взять. А козлик вдруг копытцем снег загрёб и камень обратно спрятал. Потом одним прыжком ушёл между елей. Егорка только рот открыл.

— Что же ты, — говорит, — показал, а взять не дал? И тут за спиной кто-то отвечает:

— Не всё, что человеку показано, ему в карман положить следует. Обернулся Егорка. Возле скалы женщина стоит. Платье на ней зелёное, будто из тонких малахитовых пластинок

сложено. Где повернётся — там по ткани зелёные волны пробегают. Лицо молодое, а взгляд такой, будто много веков на людей смотрит.

Егорка понял — сама Хозяйка Медной горы. Испугался, но не побежал.

Хозяйка спрашивает:

— Золотой огонёк видел?

— Видел.

— За ним пошёл?

— Нет.

— Самоцветы видел?

— Видел.

— Братъ стал?

Егорка замялся:

— Хотел.

Хозяйка улыбнулась.

— Хотеть не грех. Не знать меры — беда.

Потом рукой по скале провела. И скала словно открылась. Там, внутри, всё светилось.

Малахит шёл зелёными волнами. Медные жилы горели красноватым светом. Между ними блестели камни — синие, золотистые, малиновые. А посередине стоял цветок. Не живой и не совсем каменный. Лепестки прозрачные, зелёные, а по краям серебром светятся. Егорка даже дышать перестал.

— Это Каменный цветок? — спросил.

— Нет, — ответила Хозяйка. — Это только его зимняя тень.

— А настоящий где?

— Для настоящего мастер нужен.

— Прохорыч?

Хозяйка покачала головой:

— Каждый мастер однажды должен сам ответить.

Тут из леса снова послышалось: цок! Серебряное копытце ударило где-то среди елей. С другой стороны вспыхнул золотой огонёк Огневушки. А каменный цветок в глубине горы засветился зелёным. Три огня сошлись вместе. Золотой. Серебряный. Малахитовый. И весь снег вокруг на мгновение засиял, будто под ним лежало звёздное небо.

Потом всё исчезло. Стоит Егорка один возле знакомой дороги. Вдали заводские огни.

Домой прибежал — мать ругать:

— Где тебя носило?

А он только говорит:

— Лес слушал.

Наутро пошёл к Прохорычу. Старик посмотрел на него внимательно:

— Видал?

— Видал.

— Братъ что-нибудь дали?

— Ничего.

Прохорыч улыбнулся:

— Значит, много дали.

С тех пор Егорка у камня учиться стал по-настоящему. И когда кто-нибудь спрашивал его потом:

— Где самый богатый камень искать?

Он отвечал:

— Сперва научись богатство видеть. А уж земля сама решит, что тебе показать.

Так и говорили старики: в декабре земля снегом закрывается не потому, что ей нечего показать. Наоборот. Сокровища она прячет поглубже. Чтобы до весны отличить тех, кому нужен только блеск, от тех, кто умеет увидеть красоту.